

На отвращение это было не похоже, равно как и на одобрение. Это, скорее, напоминало непонимание. Сюй Танчэнь списал его реакцию на ступор при встрече с чем-то в первый раз. Суждение о правильности или неправильности происходящего будет вынесено потом, и сложные чувства возникнут тоже позже.

— Я рассказываю об этом, потому что надеюсь, что ты обдумаешь всё сам. Мы с тобой всегда хорошо ладили. Если считаешь, что тебе неприятно мое присутствие, ты можешь прямо сказать мне об этом. Я могу понять.

С Чэн Сюем он вёл себя открыто и хотел заслужить его понимание. Но он также осознавал, что у каждого человека есть то, что ему нравится или нет. Поэтому он успокаивающе продолжил:

— Я не стану относиться к тебе по-другому из-за твоего мнения. Или, если ты чувствуешь, что это странно, и захочешь переселиться в другую комнату, я помогу тебе с заявлением.

Сказав все, что собирался сказать, Сюй Танчэнь решил дать Чэн Сюю переварить новую информацию. Сюй Танчэнь больше на него не смотрел. Он подошел к двери и положил руку на выключатель.

Только он собирался нажать на кнопку и выключить свет, Чэн Сюй за его спиной внезапно остановил его простым предложением:

— Это не так.

У Сюй Танчэня сразу же отлегло от сердца. Кажется, скопившееся напряжение было гораздо выше, чем он того ожидал, и потому ощущение упавшего с его плеч груза было ещё приятнее.

— Я просто вдруг...

Он повернул голову, чтобы посмотреть на него в ожидании конца фразы. Но голос Чэн Сюя становился все тише. Он потупил взгляд в пол и ненадолго замолчал.

Сюй Танчэнь терпеливо ждал. Одеяло на кровати слегка сдвинулось. Когда шорох затих, Чэн Сюй снова поднял голову.

— Я просто начал немного завидовать тебе.

Дрожь в этих словах заставила Сюй Танчэня замереть. Когда он пригляделся получше, оказалось, что скрывавшиеся за толстыми линзами глаза Чэн Сюя покраснели.

И... Когда Чэн Сюй заставил себя улыбнуться ему, уголки его губ тоже подрагивали. Но он упорно повторил:

— Я просто немного завидую.

Сюй Танчэнь хотел спросить у него о том, что случилось, но, когда он открыл рот, Чэн Сюй откинул одеяло и спрятался под него, укрывшись с головой. Оттуда послышался приглушенный голос:

— Ты можешь выключить свет.

Теперь Сюй Танчэнь оказался в растерянности. Он прикусил нижнюю губу и посмотрел на укрытый одеялом комок на кровати. В конце концов, он всё же сдвинул пальцы и нажал на кнопку выключателя.

В общежитии было чересчур тихо. Кто-то сверху что-то уронил, и послышался равномерный стук. Человек под одеялом поменял положение. Судя по его очертаниям, он, должно быть, свернулся в маленький клубок.

Сюй Танчэнь некоторое время стоял около его кровати. Оттуда послышался какой-то звук. Прерывистый и приглушенный. Он ухватился двумя пальцами за край одеяла Чэн Сюя, слабо попытавшись его стянуть. Но человек под ним очень крепко за него ухватился, не позволяя убрать одеяло.

Сюй Танчэнь и не представлял, что его признание превратится в это. Он чувствовал раскаяние, но гораздо тяжелее него было чувство сожаления в сердце.

Он перестал тянуть одеяло. Вместо этого, прямо через толстый хлопок, он накрыл рукой голову Чэн Сюя.

Проведя по ней пару раз, он очень мягко спросил:

— Это Фу Дайцин?

Возникшая в голове картинка библиотеки и Чэн Сюя, плящегося в телефон в ожидании сообщения в зимний день, вдруг прояснилась. История продолжала раскрываться: вот Чэн Сюй в подавленном состоянии после полученного сообщения; а вот Чэн Сюй, спрашивающий его, может ли он съездить с ним домой на Новый Год.

Так вышло, что, когда дело доходило до любви, возникавшие эмоции у всех были одинаковыми. Борьба, страдание, безысходность.

В конце концов, Чэн Сюй так ничего и не сказал. Сюй Танчэнь еще долго стоял там, вместе с

ним, поглаживая по голове и слушая то громкое, то тихое рыдание.

Когда он, наконец, успокоился, Сюй Танчэнь положил упаковку салфеток рядом с его подушкой и обратился к нему сквозь одеяло:

— Теперь ты знаешь обо мне. В будущем, если случится что-то, чего ты не поймёшь, обратись ко мне. Не держи всё в себе.

Он снова взобрался на свою кровать и подобрал телефон. Пару раз нажав на экран, чтобы заставить его загореться, он открыл страничку с сообщениями и отправил одно.

В нём не было какого-то особого смысла, простое «Спокойной ночи», которой он уже желал сегодня. Но сейчас Сюй Танчэнь очень хотел поговорить с ним.

Естественно, ответа не последовало. Получатель давно должен был уснуть, и сейчас он, должно быть, видел уже десятый сон. Сюй Танчэнь перевернулся, лёг набок и посмотрел на человека напротив, который время от времени издавал шуршащие звуки.

Рука высунулась из-под одеяла, взяла две салфетки и втянулась обратно, будто черепаха.

[Давай не дожидаться поездки домой. Почему бы не отправиться туда в следующий понедельник?]

Отправив это сообщение, Сюй Танчэнь убрал телефон и закрыл глаза. Но стоило ему приготовиться ко сну, в его разуме возникла сцена, произошедшая много лет назад. В первый день его пребывания в университете он упаковал свои вещи и помог кому-то дотащить что-то до соседней комнаты. Там был мальчик, сидевший на кровати справа рядом с окном, который натягивал на подушку наволочку. Когда он вошел, мальчик на него посмотрел.

В тот день было очень жарко. К тому же, из-за того, что мальчик убирался весь день, на его футболке были видны пятна пота, слабо обнажавшие очертания его тела. Футболка была сильно помята. Её воротник съехал, обнажая слегка покрасневшую кожу ключиц.

Мальчик держал подушку в руках, выходя сосредоточенным на уборке, но не замечал этих мелочей. Он, застенчивый и смущённый, слабо, даже слегка болезненно, улыбнулся Сюй Танчэню, стоявшему в дверях. Спустя долгие минуты молчания он, наконец, представился:

— Привет, я Чэн Сюй.

Тогда он впервые встретил Чэн Сюя.

Вентилятор в центре потолка продолжал вращаться. Ветерок был холодным и освежающим,

вполне способным справиться с удушающей жарой, но совсем не достигал его тела.

<http://bllate.org/book/13101/1158724>